

К вопросу о
моносубъектности /
немоносубъектности
деепричастного
оборота и основного
высказывания
в современном
русском языке

**Федор Борисович
Альбрехт**

Литературный институт
им. А. М. Горького
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Московский государственный
лингвистический университет
Москва, Россия

On the Problem
of Subject Identity
in the ‘Adverbial
Participle + Main
Clause’
Construction in
Modern Russian

Fedor B. Albrecht

Maxim Gorky Institute of Literature
and Creative Writing
St Tikhon’s Orthodox University
of Humanities
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена проблеме моносубъектности/немоносубъектности деепричастного оборота и основного высказывания в русском языке. Деепричастие, возникнув из *participium coniunctum*, выражает второстепенное действие-состояние того же субъекта, что и в основном высказывании; при

Цитирование: Альбрехт Ф. Б. К вопросу о моносубъектности / немоносубъектности деепричастного оборота и основного высказывания в современном русском языке // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 244–273.

Citation: Albrecht F. B. (2020) On the problem of subject identity in the construction “adverbial participle + main clause” in modern Russian. *Slověne*, Vol. 9, № 2, p. 244–273.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.9.2.12

этом субъект в основном высказывании стоит в именительном падеже. Но, как показывает характер употребления, грамматическое подлежащее и семантический субъект в деепричастном обороте и основном высказывании не всегда тождественны: бывают случаи, когда субъекты основного высказывания и деепричастного оборота разные. В статье показывается, что зависимость между этими конструкциями представляет более широкое поле семантических и прагматических отношений между участниками второстепенной и основной ситуаций, в которых главную роль играет коммуникативный, а не формальный субъект. Дан анализ основных случаев, когда при коммуникативно-прагматической моносубъектности деепричастного оборота и главной клаузы грамматически субъект последней не выражается подлежащим. Это: 1) дательный субъекта, в том числе подразумеваемый (*Увидев задания, мне стало боязно; Сидя в нетопленной квартире, было холодно*); 2) пассивизация основного высказывания (*Все это было сделано, подвезжая к деревне*); 3) выражение семантического субъекта конструкциями принадлежности (*Заканчивая статью, у меня сломался компьютер*); 4) декаузация (*Потратив все на выпивку, на еду не осталось*). Также встречаются такие типы периферийного употребления деепричастного оборота, когда: 1) он семантически не соотносится с субъектом основного высказывания (*Ребенок гладил собаку, виляя хвостом*); 2) он соотносится с грамматическим объектом основного высказывания (*Поздравляю вас, гражданин, соврамши!*). Русские примеры анализируются с привлечением высказываний из некоторых славянских (в том числе древних) языков, а также из современных балтийских языков — с целью или соотнести анализируемое явление русского языка с данными этих языков и показать, что этот феномен характеризует не только русский язык, или отмежеваться от прямого выведения некоторых современных явлений из древних (например, как представляется, нет оснований непосредственно связывать высказывания вроде *Ребенок гладил собаку, виляя хвостом* с абсолютно-предикативным употреблением причастий в древнерусском языке). Делается вывод, что нулевой тип согласования деепричастия с главной клаузой — это причина, по которой деепричастный оборот в современном русском языке способен отойти от «канонического» соотношения с субъектом как подлежащим основного высказывания и быть примененным в любой ситуации, когда у говорящего есть коммуникативное намерение обозначить второстепенное действие-обстоятельство и когда из контекста ясен субъект этого действия.

Ключевые слова

деепричастный оборот; основное высказывание; второстепенное высказывание; моносубъектность; немоносубъектность; грамматический субъект; семантический субъект; коммуникативный субъект

Abstract

The article discusses the subject matching between the adverbial participle construction and the main clause in Russian. Russian normative grammar requires the main clause and the adverbial participle construction within one utterance to express an action or a state of one and the same subject, as the Russian *деепричастие* (adverbial participle) is typologically related to an

implicit-subject converb. The adverbial participle has developed from a copredicative participle, and now it mostly expresses a subordinate action (or a subordinate state) of the main clause's subject, which has the form of the nominative case. But, according to numerous real language examples, both oral and written, the grammatical subject (if any) in the main clause does not always coincide with the semantic subject of the whole situation. Besides, there are cases when the subjects of the main clause and the adverbial participle construction are different. There exists a wider sphere of semantic and pragmatic relations between participants of the main situation and of the subordinate situation, where the communicative subject, and not the formal one, plays the main role. Several main types of constructions are analysed, in which the semantic and communicative subject, while being the same for both situations, is not expressed by means of the nominative case in the main clause. First, the semantic subject may have the form of the dative case, and that is sometimes omitted when the subject is clear from the context: *Uvidev* (see-ADVP.PST) *zadaniia, mne* (I-DAT) *stalo boiazno* 'After seeing the tasks, I became frightened', *Sidia v netoplenoi kvartire, bylo holodno* 'While sitting in the unheated apartment, I (we, etc.) was (were) cold'. Second, there can occur passivisation of the main clause: *Vsio eto bylo sdelano* (PASS), *pod'ezhaia* (approach-ADVP.PRES) *k derevne* 'All of this was done (by the author of the sentence) when he was approaching the village'. Third, the semantic subject may be expressed by different possessive constructions: *Zakanchivaia* (finish-ADVP.PRES) *stat'iu, u menia* (I-GEN) *sломalsia komp'iuter* 'While I was finishing an article, my computer broke down'. The fourth case is represented by the removal of the subject, which is implicit in the given situation: *Potrativ* (spend-ADVP.PST) *vsio na vypivku, na edu ne ostalos* 'Having spent all his/her/our etc. money on booze, nothing was left for food'. In addition, two rare types of using the adverbial participle construction are analysed: 1) when the latter neither morphologically nor semantically relates to the subject of the main clause: *Rebionok gladil sobaku, viliaia* (wag-ADVP.PRES) *hvorostom* 'The child caressed the dog (which was) wagging its tail'; 2) when the construction relates to the grammatical object of the main clause: *Pozdravliaiu vas, grazhdanin, sovramshi* (lie-ADVP.PST) 'My congratulations, comrade: you've just lied!'. While focusing on Russian utterances, the paper also includes data from other Slavic (including ancient) and, in several cases, from Baltic languages. Comparison shows that the given phenomena are not specific to Russian. Besides, the comparative data helps us to avoid deducing some modern structural phenomena directly from older constructions. For example, there seems to be no reason to connect such structures as *Rebionok gladil sobaku, viliaia* (wag-ADVP.PRES) *hvorostom* 'The child caressed the dog (which was) wagging its tail' directly to the absolute predicative use of participles in Old Russian. We come to the conclusion that the lack of formal and grammatical congruence (in other words, of categorial agreement) between the adverbial participle construction and the main clause is the reason why in modern Russian the adverbial participle construction is able to disconnect from the grammatical subject of the main clause. Therefore, the adverbial participle construction can now be used in any situation when the speaker has a communicative intention to designate a subordinate action and the subject of this action is clear from the context.

Keywords

adverbial participle construction; implicit-subject converb; main statement; secondary utterance; subject (non-)identity in sentences with a copredicative structure; grammatical subject; semantic subject; communicative subject; context

Как известно, деепричастие или деепричастный оборот (далее — ДО) в современном русском языке относится к одному из регулярных грамматических средств оформления синтаксического обстоятельства или синтаксического константа [Тестелец 2001: 266; Пекелис 2017: 34]. Основная (а с точки зрения нормативных грамматик — практически единственная) функция деепричастия в славянских языках, в том числе и в русском, — превращение данной формы в синтаксическое обстоятельство с нулевым типом согласования [Недялков 1990: 49], которое выражает добавочное (второстепенное) действие-состояние того же субъекта, что и в основном высказывании [Краткая русская грамматика 2002: 349]. Согласно приводимым М. Хаспельматом типологическим параметрам, деепричастие в современном русском языке относится к конвербам с имплицитным субъектом (*implicit-subject converb*), кореферентным с субъектом главной клаузы. Для данных конвербов кореферентность с субъектом основного высказывания является типичной (*typical*), тогда как некорреферентность — нетипичной (*unusual*) [Haspelmath 1995: 10]. Совпадение субъектов основного и второстепенного действия в предложениях с ДО — наследие того, что деепричастие произошло «...из кратких причастий в форме им. п., согласуемой с подлежащим»¹ [Колесов 2005: 603], т. е. *participium coniunctum* [Ходорковская 2009: 185]. Потеряв словоизменительные категории рода, числа и падежа, которые позволяли иметь с подлежащим морфологически выраженную атрибутивную связь, деепричастие сохранило ее на семантическом уровне, обозначая добавочное и одновременно характеризующее основное действие субъекта [Бабайцева 2011: 443]. Однако употребление ДО показывает, что грамматическое подлежащее и семантический субъект в ДО и основном высказывании не всегда тождественны и что бывают случаи (по Хаспельмату, нетипичные), когда

¹ Здесь нам необходимо отмежеваться от случаев несогласованных причастных форм в ранних древнерусских списках Евангелия (см. [Мольков 2017]). Этот вопрос не является предметом нашего исследования, потому что, как предполагает Г. А. Мольков, «утрата согласования [причастий — Ф. А.] [...] не связана с процессами живого древнерусского языка, но является языковым фактом, унаследованным из болгарского текста Евангелия» [Ibid.: 185]. Материал Г. А. Молькова, по его же словам, «...дает важную информацию об истории причастий в древнеболгарском языке» [Ibid.: 189].

субъекты основного высказывания и ДО разные. В статье выдвигается следующая **гипотеза**. Несмотря на то что ДО и основное высказывание в русском языке часто выражают два действия или состояния одного субъекта, стоящего в основном высказывании в именительном падеже, зависимость между этими конструкциями представляет более широкое поле семантических и прагматических отношений между участниками второстепенной и основной ситуаций, в которых главную роль играет коммуникативный, а не формальный субъект. Помимо канонических предложений с ДО вроде *Я читал книгу, лежа на диване*, в современном русском языке можно увидеть случаи, когда семантический субъект основного и второстепенного высказывания совпадают, но грамматически субъект основного высказывания не выражается подлежащим. Имеет смысл выделить по крайней мере несколько «зон» данного поля. Это:

- 1) дательный субъекта (в том числе подразумеваемый);
- 2) пассивизация основного высказывания;
- 3) выражение семантического субъекта словами и конструкциями с семантикой принадлежности;
- 4) понижающая актантная деривация (или декаузатив).

Помимо вышеперечисленных случаев, встречаются также следующие типы периферийных употреблений ДО:

1) ДО, семантически не соотносимый с субъектом основного высказывания;

2) ДО, соотносимый с грамматическим объектом основного высказывания. Рассмотрим каждый тип указанного употребления в отдельности. Чтобы показать, что аналогичные процессы «прагматического сдвига» происходят в близких русскому славянских языках, в которых деепричастие — это тоже типичный конверб с имплицитным субъектом, мы будем дополнять примеры из русского языка некоторыми примерами из славянских языков. Чтобы соотнести отдельные моменты употребления ДО в русском языке с сохранившимися больше конвербов балтийскими языками, мы в отдельных случаях прибегнем к примерам из этих языков. Оговоримся, однако, что в нашу задачу не входит ни диахронический, ни типологический анализ. Наконец, в ряде случаев мы будем пытаться — исключительно с целью прикладного анализа — реконструировать лингвистические основания тех или иных тезисов в нормативных грамматиках некоторых языков, вполне при этом осознавая, что норма или не-норма не определяется логикой описания морфологических или синтаксических феноменов и что норма или не-норма заведомо не может быть единой для разных языков с разной историей письменности и культуры.

1. Дательный субъекта. Нередки случаи, в том числе и в ДО, когда субъект — носитель состояния (физического, нравственного, состояния модальной необходимости/вынужденности и под.) выражается в основном высказывании специализированной формой дательного падежа. Как пишет М. Хаспельмат, дательный падеж — «...это чаще всего экспериенцер, а не реципиент...» [здесь и далее перевод наш, если не указано иное. — Ф. А.; Haspelmath 1995: 33]. См. примеры:

- (1) **Увидев** экзаменационные задания, мне стало боязно;
- (2) **Проходя** мимо лавки Ширяева, ему пришло в голову спросить, не продал ли он хоть один экземпляр его книги... [Герцен 1979: 129];
- (3) **Выполняя** это поручение, ему не хотелось огласки [Русская грамматика 1982: 182];
- (4) Нам пришлось долго сидеть, **ожидая** возвращения Степана [Книга о грамматике 2018: 165].

См. также аналогичные примеры из сербского и польского языков:

- (5) *Тешко* *вуку* *не јед-ући* *меса*
 тяжело-PRAED волк-DAT.SG не есть-ADVP.PRES мясо-GEN.SG
и јунаку *не пиј-ући* *вина* (серб.).
 а герой-DAT.SG не пить-ADVP.PRES вино-GEN.SG
 ‘Тяжело волку не едя мяса, и герою — не выпивая вина’
 [Стевановић 1998: 418];
- (6) *Хладно* *ми је* *чекај-ући* *воз* (серб.).
 холодно-PRAED я-DAT быть-PRES.SG.3 ждать-ADVP.PRES поезд-ACC.SG
 ‘Мне холодно, ожидая поезд’ [Станојчић 1992: 392];
- (7) *Ћитај-ући* *није* *нам* *дато*
 читать-ADVP.PRES не быть-PRES.SG.3 мы-DAT дать-PPFP.SG.NT
да примато *све што је* *написано* (серб.).
 чтобы принять-PRES.PL.1 всё что-NOM быть-PRES.SG.3 написать-PPFP.SG.NT
 ‘Читая, нам не дано принять всего, что написано’ [Pavić 2012: 89].
- (8) *Pisz-ąc* *te słowa,* *przypomniała* *mi się*
 писать-ADVP.PRES это слово-ACC.PL вспоминать-PST.SG.3F я-DAT -ся
zeszłoroczna *rozmowa* (польск.)
 прошлогодний-ADJ разговор-NOM.SG.
 ‘Записывая эти слова, мне вспомнился прошлогодний разговор’
 [Haspelmath 1995: 33].

Пример (8), как думается, представляет более сложный случай: здесь имеет место не только дательный субъекта, но и пассивизация высказывания (подробнее об этом см. ниже). Нередки случаи, когда дательный падеж субъекта, будучи ясным из коммуникативного контекста, опускается:

(9) *Сидя в нетопленной квартире, было холодно*²;

(10) *...Встречая Грановского на кафедре, становилось легче на душе* [Герцен 1979: 452].

Субъект-носитель состояния не всегда имеет конкретную референцию, он может быть обобщенным и/или неопределенным, в зависимости от контекста или от коммуникативного намерения говорящего-пишущего. В этом случае он также опускается. Часто такие высказывания выражают общие суждения:

(11) *Представляя помощника руководителя, обычно на ум приходит образ педантичного человека* [Малетина 2019].

Сюда входят и общие суждения с модальностью вынужденности или необходимости:³

(12) *Готовясь к экзамену, надо много читать*;

(13) *Понимая все последствия, надо принять взвешенное решение*;

(14) *Нетрудно решить эту проблему, зная породившие ее причины*;

(15) *Завершив первую главу диссертации, необходимо сделать выводы*;

(16) *Снявши голову, по волосам не плачут*.

Иногда неопределенность (или недостаточность) контекста не дает однозначного ответа, имел ли в виду говорящий-пишущий конкретного, но не выраженного лексемой в дательном падеже, субъекта, или же он высказал общее суждение, в котором субъект имеет неопределенный/обобщенный референтный статус. В этом смысле предложения вроде примера (11) допускают, в зависимости от коммуникативной ситуации, двоякую трактовку. Интересно, что в нормативной трактовке славянских примеров авторы разных грамматик исходят из разных посылок. Так, примеры (1), (2) и (3) объясняются как ненормативные

² Здесь и далее примеры без указания на источник заимствованы из устной речи или являются общеизвестными (например, пословицы).

³ См. также польский и русский примеры в пункте 68 в [Haspelmath 1995: 35].

(или находящиеся «на грани нормы» [Книга о грамматике 2018: 165]) с формальной точки зрения. Основные высказывания — это не подлежаще-сказуемые предложения «... с дат. п. или вин. п. с субъектным значением, в состав которых не входит [субъектный — Ф. А.] инфинитив» [Русская грамматика 1982: 182]. В то же время примеры (4), (12), (13), (14) и (15) признаются вполне нормативными, потому что деепричастие относится к субъектному инфинитиву [Книга о грамматике 2018: 164]. Попытаемся реконструировать ход рассуждений авторов. Очевидно, в случае отказа в нормативности примерам (1), (2) и (3) главную роль сыграла невыраженность конкретно-референтного субъекта в именительном падеже при возможности его постановки в данный падеж (*Выполняя это поручение, он не хотел огласки*). Семантический же субъект в примерах (12), (13), (14) и (15) не имеет конкретной референции, и поэтому преобразование конструкции «в пользу» именительного падежа субъекта лишено прагматических оснований. Однако в предложении в каждом случае есть инфинитив, могущий быть частью либо раздельнопредикативной (*Сдавать экзамены надо. Ехать пора*), либо слитнопредикативной схемы (*Нужно сдавать экзамены. Пора ехать*) основного высказывания (см. об этом [Крылова et al. 1997: 49–50]) и служить формальным «заместителем» подлежащего. Будучи при поверхностном взгляде непротиворечивым, такой ход рассуждений опровергается фактом, что конструкции с ДО и с обобщенным субъектом могут и не содержать инфинитив и восприниматься тем не менее как вполне нормативные: см. пример (16). В свете вышесказанного более логичной (или «коммуникативно привлекательной») представляется нормативная трактовка, предложенная для подобных конструкций в сербских грамматиках: там примеры вроде (5), (6) и (7) толкуются как правильные именно потому, что субъект ДО совпадает с субъектом основного высказывания, выраженного косвенным падежом, т. е. — на семантическом и прагматическом основании [Станојчић 1992: 392; Стевановић 1998: 418–419]. Остальные случаи выражения семантического субъекта не-именительным падежом следует отнести скорее к разряду периферийных.

2. Пассивизация основного высказывания. В данном случае речь идет о таких конструкциях, как:

(17) **Получив** большое количество пробоин, танк был подожжен [Русская грамматика 1982: 182];

(18) *Все это было сделано, **подъезжая** к деревне* [Герцен 1979: 211];

- (19)⁴ *Находясь* внутри кафе, курение запрещается;
- (20) *Результаты всех матчей подсчитываются в ИМПах, которые затем переводятся в ВП, используя официальную шкалу WBF;*
- (21) *Проходя* мимо этого дома, вспоминаются слова Пушкина [Малетина 2019];⁵ и т. п.

В подобных высказываниях грамматическое подлежащее главной клаузы — пациенс. Кажется, именно формальная несоотнесенность субъектов в подобных примерах привела А. А. Шахматова к утверждению, что

в редких случаях, как в областном, так и в литературном языке, двусоставные предложения обособляются таким *деепричастным предложением* [выделено автором. — Ф. А.], в котором деепричастие является независимым от подлежащего, к нему не относящимся» [Шахматов 2001: 234].

Подтверждение этому тезису находим в примере из А. И. Герцена [1979: 234]:

- (22) *Кстати, говоря о сосланных, за Нижним начинают встречаться сосланные поляки, с Казани их число быстро возрастает* (кроме того, в примере (22) имплицитруется дательный субъекта «автору высказывания и/или любому начинают встречаться поляки»; см. также пример (8)).

Тем не менее, несмотря на кажущуюся независимость ДО, говорить о ней с семантической точки зрения вряд ли стоит: коммуникативно в ДО примеров (17) (танк кто-то пробил и поджег), (18) (все это сделал тот, кто подъезжал к деревне), (19) (не должен курить тот, кто находится в кафе), (20) (ИМПы переводит в ВП тот, кто использует официальную шкалу), (22) (пишущий встречает сосланных поляков) явно просматривается тот же субъект, что и в основном высказывании, но только выведенный на периферию коммуникативной цели. Как пишет В. Амбразас, «пассив [...] служит одним из основных средств дефокусации агенса глагольного действия, который в пассивной конструкции отодвигается в периферию...» [Амбразас 1990: 208]. В этом смысле данные примеры,

⁴ Примеры 19, 20, 40, 41 и 55 заимствованы из доклада Е. Р. Добрушиной «Проблема нормативности употребления деепричастий как переход от синтаксического регистра к семантическому» (в печати; прочитан на XXX Ежегодной богословской конференции ПСТГУ, секция «Русистика и славистика: традиционные темы в современной методологии», сделанный 27.01.2020 г.), с любезного разрешения автора доклада.

⁵ В примере (21) можно также видеть опущение ясного из контекста дательного субъекта.

как и в случае с дательным субъекта, никуда от моносубъектности не ушли — они лишь изменили коммуникативную перспективу субъекта. Представляется также интересным реконструировать ход мыслей авторов одной из русских академических грамматик, выведшей примеры типа (17) за пределы нормы. Про пример (17) читаем, что

в пассивных конструкциях [...] деепричастие относится к подлежащему, означаящему одновременно и субъект состояния, и объект действия [...] этим объясняется ненормативность деепричастных оборотов в таких конструкциях» [Русская грамматика 1982: 182].

По-видимому, сочетать деепричастие, являющееся по происхождению действительным причастием, с пациенсом, выраженным «своей» конструкцией страдательного залога, представляется авторам не вполне корректным. Они не хотят мириться с изменением коммуникативной перспективы субъекта «в ущерб» конструкции. Если бы роль пациенса была «затушевана» конструкцией с возвратным глаголом вроде *танк загорелся*, высказывание было бы оценено как вполне нормативное.

3. Выражение семантического субъекта конструкциями с семантикой принадлежности. Речь идет о таких примерах, как:

(23) *Услыхав о смерти Ивана Ильича, первая мысль каждого из господ [...] была о том, какое значение может иметь эта смерть на перемещения или повышения...* [Толстой 1956: 3];

(24) *Устраиваясь на работу в банк, еще одним критерием отбора будет наличие у вас клиентской базы* [Малетина 2019];

(25) *Заканчивая статью, у меня сломался компьютер.*

Подобные примеры есть и в других славянских языках:

(26) *Заболела* *ме* *је* *глава*
заболеть-PP-L я-ACC быть-PRES.SG.3 (PERF вместе с PP-L) голова-NOM.SG
слуша-ј-ући *његове приче* (серб.).
слушать-ADVP.PRES его рассказы-ACC.PL
'У меня заболела голова, слушающая его рассказы' [Станојчић 1992: 392];

(27) *Несвест* *га* *хвата*
обморок-NOM.SG он-ACC охватывать-PRES.SG.3
гледа-ј-ући *у провалију* (серб.).
глядеть-ADVP.PRES в пропасть-ACC.SG
'Обморок охватывает его, глядя в пропасть' [Стевановић 1998: 418–419];

(28) Така **разговар-ајќи, чит-ајќи и мисл-ејќи,**

так разговаривать, читать и думать-ADV.PRES

редот **им** *дојде* (макед.).

очередь-SG.DETERM они-DAT.PL подошла-AOR.SG.3

‘Так беседуя, читая и думая, подошла их очередь’ [Конески 2004: 447];

(29) **Mysl-iac** *na to všetko, zachvievalo sa* **mi** *srdce* (словац.).

думать-ADV.PRES на это всё-ACC содрогаться-PST.SG.3NT я-DAT.SG сердце-NOM.SG

‘Думая обо всем этом, у меня содрогалось сердце’ [Pauliny et al. 1968: 394].

Во всех подобных конструкциях также имплицитруется один коммуникативный субъект: о смерти Ивана Ильича услышали господа и подумали; устраиваясь в банк, вы имеете клиентскую базу, и т. п. Поэтому и здесь необходимо говорить о семантической (или лучше — прагматической и коммуникативной) моносубъектности. Эту мысль, среди прочего, иллюстрирует анализ ненормативности примера (29) словацкими авторами: такие высказывания, по их мысли, «не удовлетворяют требованию об общем подлежащем» [Pauliny 1968: 394], в частности, не могут быть трансформированы в сложную сочинительную конструкцию с общим подлежащим **Srdce mi myslelo na to všetko a zachvievalo sa*. Ср. с примером:

Posadila sa za vrchstola, neprehovoriac ani slova — Posadila sa za vrchstola a neprehovorila ani slova.

‘Она села во главе стола, не произнесла ни слова — Она села во главе стола и не произнесла ни слова’ [Pauliny et al. 1968: 394].

См. то же для любого из русских примеров: **Компьютер у меня заканчивал статью и сломался*. Если понимать трансформацию сугубо формально, то преобразовать предложение (29) в сочинительную конструкцию с общим подлежащим действительно невозможно. Но если исходить из общего семантического субъекта и понимать под трансформацией возможность экспликации глубинно-семантических отношений, то такая трансформация вполне доступна: *Ja som myslela na to všetko a zachvievalo sa mi srdce* ‘Я думала обо всем об этом, и у меня содрогалось сердце’, так же, как *Я заканчивал статью и оказался в ситуации, когда перестал работать компьютер*. Как и в случае с дательным субъекта, лексема или конструкция, обозначающая принадлежность, может быть опущена, если из ситуации ясен субъект:

(30) *Ждет-пождет с утра до ночи, // Смотрит в поле, инда очи // Разболелись глядючи* [Пушкин 1985: 634] (ясно, что очи царицы);

(31) *Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд // И руки особенно тонки, колени **обняв*** [Гумилев 1990: 79] (ясно, что ты или твои руки).

С примером (31), а также с примером (17) из предыдущего пункта, дело, как кажется, обстоит серьезнее: обращает на себя внимание не столько коммуникативная общность субъекта, сколько то, что субъект здесь — это не деятель, а носитель состояния в (31) и пациент в (17), причем предикат основного высказывания в примере (31) *тонки* — это, строго говоря, состояние, никак его субъектом-носителем не спровоцированное и, очевидно, не актуализируемое в сознании. По-видимому, процессы, происходящие с ДО, глубже, и их суть надо искать в том числе на глубинно-семантическом уровне, с помощью анализа соотношения семантических статусов субъекта в основном высказывании и в ДО. Выскажем чрезвычайно предварительное суждение, что, вероятно, здесь как-то соотносятся семантические категории «активный (волевой) субъект», «неактивный (неволевой) субъект», «активность/осознанность в действии или ситуации» и грамматическая маркированность/немаркированность высказывания с помощью категории залога. Если субъект наделен волей, то подразумевается, что он должен осознавать ситуацию: значит, по крайней мере одна из ситуаций (основная или выраженная ДО) канонически, с точки зрения обыденных нормативных представлений, не должна быть грамматически маркирована как пассивная. Поэтому примеры с различным соотношением семантических ролей субъекта в основном высказывании и ДО (или, как в церковнославянском, *participium coniunctum*), но без пассива, воспринимаются как вполне нормальные:

(32) *огненное прещеніе мужески **поправше**, радовахуся **поюще*** [Миней 1893, НКРЯ] (носитель состояния — агенс);

(33) ***радующися** ѿ бжественныхъ аггль преносится въ мьста ѿпредьленная ей по устроению ея* [Добротолубие 1902, НКРЯ] (пациенс — носитель состояния, осознающий последнее);

(34) ***Притаившись** за холмом, лев почуял добычу* (агенс — экспериенцер);

(35) ***Увидев** экзаменационные задания, я почувствовал страх* (экспериенцер — носитель состояния, осознающий последнее);

(36) ***Радуюсь** весеннему солнцу, Лена лежала на циновке в саду* (носитель осознаваемого состояния — носитель осознаваемого состояния).

Если же субъект не наделен волей, достаточно не употребить пассив, чтобы высказывание с ДО воспринималось как нормальное:

(37) *Не **выдержав** нагрузки, стена рухнула* (пациенс — пациенс).

В примере (31) мы наблюдаем «семантический пассив» в главной клаузе (твои руки тонкие независимо от тебя), и этого достаточно, чтобы высказывание воспринималось как необычное (субъект волевой). В примере (17) имеем грамматический пассив в главной клаузе, и этого достаточно, чтобы пример воспринимался как необычный. Повторим, что это очень предварительные мысли, нуждающиеся в отдельном исследовании, и мы приводим их здесь потому, что они имеют отношение к нашей проблеме.

4. Понижающая актантная деривация (декаузация). Речь идет о случаях, когда из основного высказывания устраняется коммуникативно и прагматически понятный каузатор ситуации:

(38) **Взяв** все в расчет, слуга обходился руб. в 300 асс. [Шахматов 2001: 234] (т. е. субъект тратил на слугу);

(39) **Сев** в машину, мои брюки помялись (т. е. я помял брюки — здесь декаузация совмещается с выражением принадлежности);

(40) **Потратив** все на выпивку, на еду не осталось (т. е. субъект ничего не оставил на еду);

(41) **Подпилив** кончик ключа, ничего не изменилось (т. е. субъект ничего не смог изменить);

(42) Я надеялся, что, **получив** полноту власти, это перегорит в нем (т. е. он это преодолет, получив власть)⁶.

В примере (42) можно проследить имплицитруемый в ДО субъект в контексте разговора героя интервью с журналистом:

Журналист. Он интеллеktуал? О. А. Кураев. Да. По крайней мере, таким он был, когда был митрополитом, да. Поэтому я очень надеялся, что... были видны и некоторые его минусы, но я надеялся, что, получив полноту власти, это перегорит в нем⁷.

Иногда устранение каузатора ситуации совмещается с пассивизацией основного высказывания:

(43) **Выходя** из университетских ворот, нас встретили ворота тюрьмы [Герцен 1979: 490] (т. е. мы выходили и были встречены тюремщиками).

Е. Р. Добрушина называет позицию ДО в своих примерах (40) и (41) (см. сноску 4) абсолютивной⁸ (см. также: [Добрушина 2020: 10]), по-

⁶ [Кураев 2000]. Временной интервал 47.47 — 47.51.

⁷ [Кураев 2000]. Временной интервал 47.38 — 47.51.

⁸ Е. Р. Добрушина. Проблема нормативности употребления деепричастий как переход от синтаксического регистра к семантическому. Доклад на XXX Ежегодной

сколько синтаксически субъект ДО не совпадает с подлежащим (хотя и совпадает с семантическим субъектом) основного высказывания — в этом смысле такими же абсолютными будут считаться ДО в примерах (18)–(29). Нам представляется, что, по всей видимости, необходимо различать формальное и семантическое понимание абсолютных (или абсолютных) конструкций. С формальной точки зрения любой ДО современного русского языка, вне зависимости от его моносубъектности или немоносубъектности с основным высказыванием, — это абсолютный оборот, поскольку деепричастие не обнаруживает никаких формальных связей ни с подлежащим, ни со сказуемым основного высказывания. Как пишет А. А. Балута, к абсолютным оборотам относятся «...конструкции, не зависящие ни от одного члена предложения» [Балута 2013: 5] — и ДО устроен именно так. В этом легко убедиться, сравнив ДО русского языка, например, с так называемыми конвербами-2⁹ или полупричастиями (лит. *pusdalyvis*, англ. *semiparticiples*, см. [Дини 2002: 127; Dini 2014: 174; Александровичюс 1988: 423–426]) в балтийских языках, а также с согласуемым с подлежащим (в том числе подразумеваемым или ясным из глагольной формы) основным высказыванием по родам и числам деепричастием (а по сути, полупричастием) в чешском языке:¹⁰

- (44) *Jd-a* / *Jd-ouc* / *Jd-ouc-e se mnou*,
 идти-ADVP.PRES.SG.M ADVP.PRES.SG.F ADVP.PRES.PL с я-INSTR
vypráví / *vyprávějí mi o svém životě* (чеш.).
 рассказывать-PRES.SG.3 / PRES. PL.3 я-DAT о СВОЙ-LOC.SG жизнь-LOC.SG

‘Идя со мной, он (она, они) мне рассказывает/ -ют о своей жизни’;

- (45) *Napsa-v* / *Napsa-vš-i* / *Napsa-vš-e dopis*,
 написать-ADVP.PST.SG.M ADVP.PST.SG.F ADVP.PST.PL письмо-ACC.SG
odešel / *odešla* / *odešli*.
 уйти-PST.SG.M PST.SG.F PST.PL.M.ANIM

‘Написав письмо, он/она/они ушел/-шла/-шли’ [Широкова 1952: 150–151];

- (46) *Dirb-dam-as* / *dirb-dam-a* / *dirb-dam-i* /
 работать-CONV2.PRES.SG.M CONV2.PRES.SG.F CONV2.PRES.PL.M

богословской конференции ПСТГУ, секция «Русистика и славистика: традиционные темы в современной методологии», сделанный 27.01.2020 г. (в печати).

⁹ Здесь и далее мы придерживаемся типологии конвербов литовского языка, данной в статье [Генюшене 2014].

¹⁰ С существенной оговоркой: А. Г. Широкова пишет, что деепричастия в разговорной чешской речи не употребляются, а в книжном языке используются «по большей части формы настоящего времени» [Широкова 1977: 109]. С. С. Скорвид отмечает, что в разговорном языке «деепричастия как таковые отсутствуют» [Скорвид 2005: 254].

dirb-dam-os *jis* / *ji* / *jie* / *jos*
 CONV2.PRES.PL.F ОН-М.SG ОНА-F.SG ОНИ-М.PL ОНИ-F.PL
užeis *į biblioteką* (лит.).
 зайти-FUT.3 в библиотека-ACC.SG

‘Работая, он/она/они пойдет/-ут в библиотеку’ [Александрвичюс 1988: 425];

(47) *Zēns* / *Zēni* / *Meitene* / *Meitenes gāja*
 мальчик-NOM.SG NOM.PL девочка-NOM.SG NOM.PL идти-PST.3

dziedā-dam-s / **dziedā-dam-i** /
 петь-CONV2.PRES.SG.M CONV2.PRES.PL.M

dziedā-dam-a / **dziedā-dam-as** (лтш.).
 CONV2.PRES.SG.F CONV2.PRES.PL.F

‘Мальчик/-ки/Девочка/-ки шел/шла/шли напевая’ [Векслер 1987: 317].

С семантической же точки зрения абсолютной следует считать такую конструкцию, которая, по словам Б. Б. Ходорковской, имеет «отдельный субъект, не кореферентный ни с одним членом предложения, и свой отдельный предикат» [Ходорковская 2009: 176] (как латинский *ablativus absolutus* или древнеславянский дательный самостоятельный). Разумеется, если рассмотреть, скажем, пример (39), то логически подлежащее (*мои брюки*) не кореферентно ни с одним членом предложения. Но коммуникативно и прагматически говорящему достаточно осознания, что *мои брюки* — это «как бы» я (который их помял, сев в машину), чтобы мыслить об одном субъекте. Это не тот же случай, что, скажем, в примере из [Ibid.: 177], где даже коммуникативно нельзя помыслить единый субъект:

(48) **Ineunte** *vere* [...] *existit* [...]
 приходит-PPRA.ABL.SG весна-ABL.SG существовать-PRES.SG.3
ea, *quae* *gemma* *dicitur* (лат.)
 тот-NOM.SG.F который-NOM.SG.F почка-NOM.SG называть-PRES.SG.PASS.3

‘Когда приходит весна, появляется то, что почкой называется’ (Marcus Tullius Cicero. *Cato maior de senectute*. XV–53).

Тем не менее и в русском языке есть случаи, когда ДО не соотносится с семантическим субъектом основной ситуации, т. е. является абсолютным не только в формальном, но и в семантическом смысле.

5. ДО, семантически не соотносимый с субъектом основного высказывания. А. А. Балута утверждает, что в современных языках, в т. ч. в русском, абсолютные обороты «совсем выходят из употребления»

[Балута 2013: 10]. Если исходить из семантического понимания абсолютного оборота, то, будучи в целом верным, данное утверждение, как представляется, не учитывает некоторые периферийные случаи. Первый случай можно представить примерами:

- (49) *Такое снижение, **учитывая**, что российский бюджет серьезно зависит от доходов данного сектора, может оказать неблагоприятное воздействие на планы по выплатам наших внешних долгов в срок* [Чудодеев 2003, НКРЯ];
- (50) ***Исходя** из нашего анализа, речевой сигнал чревовещания сохраняет все характеристики нормальной речи, и уже по осциллограмме можно отличить речевой сигнал человека от такового кошки* [Дубров et al. 2003, НКРЯ];
- (51) *Этот визит, **учитывая** нынешнюю международную обстановку, приобретает важное значение* [Книга о грамматике 2018: 166].

Авторы только что упомянутого труда считают, что такие примеры соответствуют норме, поскольку, по их мнению, деепричастия *учитывая*, *полагая*, а также выражения с деепричастиями *имея в виду*, *исходя из*, *не считая* и т. п. «... выступают в роли, приближающейся к роли предлогов» [Книга о грамматике 2018: 166]. Так же точно объясняют нормативность подобных ДО словацкие грамматисты (они называют эти ДО абсолютной деепричастной конструкцией — *absolútná prechodníková konštrukcia*). Они считают, что деепричастия вроде *začínajúc* (начиная), *ročníc* (начиная), *končiac* (кончая), *súdiac* (судя), *rovediac* (говоря), *vujmúc* (исключая) и т. п. здесь «... выполняют функцию предлогов» [Pauliny et al. 1968: 394]:

- (52) *Do... chyže vošli... ženy,*
 До хижина-GEN войти-PST.PL.3 женщина-NOM.PL
ročn-íc od najvyššieho do najspodnejšieho
 начинать-ADVP.PRES ОТ ВЫСОКИЙ-SUPER.GEN ДО НИЗКИЙ-SUPER.GEN
konca dediny (словац.).
 конец-GEN.SG деревня-GEN.SG

‘В хижину вошли женщины, (которые пришли) начиная с самого высокого и (заканчивая) самым низким концом деревни’ [Pauliny et al. 1968: 394];

- (53) *Ty vidíš v nich iba deti.*
 ты-НОМ видеть-PRES.SG.2 В они-ЛОС ТОЛЬКО дети-ACC.PL
A pravdu poved-iac, nie sú už detmi (словац.).
 а правда-ACC.SG говорить-ADVP.PRES не быть-PRES.PL.3 уж дети-INSTR.PL
 ‘Ты видишь в них только детей. А по правде говоря, они уже не дети’
 [Pauliny et al. 1968: 394].

В целом соглашаясь с подобной трактовкой, отметим с точки зрения нашей проблематики следующее: деепричастия в некоторых случаях ((49), (50), (53)) следовало бы функционально сближать не столько с предлогом, сколько с герундием. Исходное сентенциальное обстоятельство приобретает значение потенциального условия, которое может быть выполнено любым субъектом (если любому учитывать зависимость бюджета от данного сектора; если любому исходить из данных анализа; если любому сказать правду, и т. п.). Иногда такое значение выражается номинализованной конструкцией: *с учетом зависимости бюджета* и т. п. Изначально в таких конструкциях все-таки предполагалась моносубъектность (с учетом неопределенности субъекта). Второй случай – это примеры вроде:

(54) *Ребенок с радостью гладил собаку, виляя хвостом* [Деепричастный оборот 2017];

(55) **Выиграв** чемпионат мира по футболу, болельщики долго ликовали.

Хотя с точки зрения нормы такие примеры расцениваются как невозможные из-за несовпадения семантических субъектов основного высказывания и ДО, подобные случаи все же фиксируются исследователями. По сути, здесь в ДО свертывается придаточное времени с другим субъектом: *когда собака (она) виляла хвостом; когда был выигран чемпионат мира* или *когда сборная выиграла чемпионат мира*. Как думается, мы здесь имеем дело с неким современным явлением, связанным, возможно, с контаминацией в речи двух предикаций в одну, с приданием какой-либо из них, в соответствии с коммуникативным намерением говорящего, второстепенного статуса. Примеры (54) и (55) как будто напоминают реликт *nominativus absolutus*. Согласно исследованию А. С. Мельничука,

абсолютно-предикативное употребление причастий на *-(в)ъ*, *-(в)ъш-* отмечается почти в одинаковой степени как в памятниках южнорусских XII–XVI вв., так и в памятниках новгородских, псковских и владими́ро-суздальских того же периода [Мельничук 1958: 159].

Эти причастия (а согласно данным Р. Л. Абдулхаковой, также и причастия на *-я-*, см. [Абдулхакова 2007: 14]) могли употребляться как сказуемые в нескольких разных конструкциях, в частности, в сложных сочинительных и подчинительных предложениях с разными субъектами в каждой части:

(56) *И бѣ съча зла, и одва **одолювъ** к вечеру Ярославъ* (Ип. 138–139, под 1034 г.) [Мельничук 1958: 119];

(57) *И сему чюду дивуемъся, како от персти **создавъ** чловька, како образи розноличнии въ чловьчьскихъ лицихъ* (Поуч. Вл. Мон., Лавр. 156) [Мельничук 1958: 153],

причем А. С. Мельничук отмечает «... довольно обычное в древнерусских памятниках употребление причастия в роли сказуемого [...] при разных подлежащих в главном и придаточном» [Мельничук 1958: 153]. Примеры подобных конструкций из Поучения Владимира Мономаха приводит также А. А. Пичхадзе, называя их абсолютными оборотами с имплицитным субъектом [Пичхадзе 2016: 508–510]. Примеры (56) и (57) соотносительны с приводимыми В. Амбразасом балтийскими соответствиями, в частности:

(58) *Tas bernas jau vėl **perjoj-ę-s***
 Этот парень-NOM.SG опять проехать-CONV3.PST.SG.M.NOM
kelias žemės, arklys vėl sako (лит.).
 несколько-ACC.PL страна-ACC.PL, конь-NOM.SG опять говорить-PRES.SG.3
 ‘Этот парень опять проехал (букв. ‘проехавший’) несколько стран, — конь снова говорит’ [Амбразас 1990: 110].

Однако, на наш взгляд, выводить примеры типа (54) и (55) непосредственно из абсолютно-предикативного употребления причастий поспешно. Ведь в сознании носителей русского языка деепричастие с причастием (как минимум в формальном аспекте) уже давно не соотносимо. Поскольку, как утверждает В. Амбразас, «система причастных конструкций в общеславянском языке может рассматриваться как результат преобразования и частичного разрушения балтийской системы»¹¹ [Ambrasas 1979: 253], то считать реликтом *nominativus absolutus* возможно только такие современные славянские примеры, где сохраняется формальный маркер абсолютно-предикативной функции: это форма номинатива (в т. ч. бывшего) при деепричастии, которое присоединяется «... к предложениям со спрягаемой формой глагола» [Амбразас 1990: 110]:

(59) *Тако они тијо **говор-ећи**, чедо мало*
 так он-М.PL.NOM тихо говорить-ADVP.PRES дитя-SG.NOM малое-ADJ.NT.SG.NOM
паде на земљицу (серб.).
 упасть-AOR.SG.3 на землячка-ACC.SG
 ‘Так они, тихо говоря, маленький ребенок упал на землю’ [Станојчић 1992: 392];

¹¹ Перевод из английского резюме к указанной книге; сама работа написана по-литовски.

- (60) *Ожену-ајќи се сонцето, по неколку месеци*
 жениться-ADVP.PRES солнце-DETERM.SG по несколько месяцы-INDETERM.PL
*ќе му даат Госпо деца (макед.)*¹².
 FUT он-DAT дать господь-SG.NOM дети-INDETERM.PL
 'Женившись солнце, через несколько месяцев дает ему Бог детей' [Конески 2004: 447].

Несводимость примеров (54) и (55) к реликту абсолютно-предикативного употребления доказывается, по нашему мнению, также славянскими примерами, имеющими при деепричастии форму номинатива и обладающими одним и тем же семантическим субъектом (он может совпадать, как в примере (61), и не совпадать, как в примере (62), с грамматическим подлежащим) в обоих клаузах:

- (61) *Ид-ући он тако поред реке, мајстор*
 идти-ADVP.PRES он-NOM так вдоль река-GEN.SG мастер-NOM.SG
скочи у воду (серб.).
 прыгнуть-AOR.SG.3 в вода-ACC.SG
 'Идя он так вдоль реки, мастер прыгнул в воду' [Стевановић 1998: 419];
- (62) *Тако она провлач-ећи се између народа,*
 так она-NOM.SG пробираться-ADVP.PRES среди народ-GEN.SG
и беж-ећи, некако јој спаде папуча
 и бежать-ADVP.PRES как-то она-DAT соскочить-AOR.SG.3 тапок-NOM.SG
с десне ноге (серб.).
 с правая-ADJ нога-GEN.SG
 'Так она, пробираясь между людьми и убегая, каким-то образом у нее соскочил тапочек с правой ноги' [Стевановић 1998: 419].

Важно, что М. Стеванович, автор одной из самых известных сербских нормативных грамматик, считает примеры (59), (61) и (62) недопустимыми в литературном языке на том основании, что «... сегодня в таком виде они не употребляются даже в народе» [Стевановић 1998: 419]. Значит, носителями сербского языка с такими же, как и в русском, деепричастиями и ДО, эти конструкции не воспринимаются как современные. Кроме того, В. Амбразас утверждает, что такие конструкции и раньше не являлись регулярными:

¹² В македонской грамматике об этом примере говорится, что подобные случаи редко встречаются в литературном языке», ибо «обычно... два действия относятся к одному подлежащему (перевод наш. – Ф. А.)» [Конески 2004: 447], т.е. имплицитруется искажение литературной нормы.

так называемый *nominativus absolutus* представляет собой или примкнувший к глагольному предложению оборот с предикативным причастием, или результат контаминации и разрыва синтаксической связи между аппозитивным причастием и остальной частью предложения [Амбразас 1990: 110].

Чуть ранее В. Амбразас пишет: «Выражая действие разного субъекта, номинатив причастия обычно играет в предложении роль именного предиката [...] а относясь к тому же самому субъекту, выражает его второстепенное действие». Пожалуй, единственный случай, когда можно говорить о деепричастии¹³ как о наследнике свойств абсолютно-предикативного причастия, демонстрируют примеры А. А. Шахматова:

(63) *Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему...:*

(64) *Ты много страдаешь, Матвей! – сказал я ему однажды, когда он принес мне поднос с чаем, и с участием глядя на него* [Шахматов 2001: 231].

Ср. приводимые В. Амбразасом примеры вроде:

(65) *Tėvas* (NOM.SG) *atsistoj-ę-s* (CONV3.PST.SG.M.NOM) *ir tarė* (PST.SG.3) ‘Отец вставший и сказал’ [Амбразас 1990: 68].

Но нам не удалось найти ни одного русского примера, подобного сербским или македонским конструкциям типа (59)–(62). Конструкции вроде **Футболисты выиграв чемпионат, болельщики радовались* или **Ребенок с радостью гладил собаку, она виляя хвостом* в русском языке кажутся невозможными. Значит, наши примеры (54) и (55) – новое явление, которое подлежит дальнейшему изучению.

6. ДО, соотносимый с грамматическим объектом основного высказывания. Рассмотрим пример:

¹³ Многие исследователи, в частности А. А. Шахматов, С. К. Пожарицкая, В. Wiemer и M. Giger и др., говорят об ограниченном диалектами и просторечием употреблении деепричастий на -вши (-вши), -дши (-дши) в функции сказуемого для обозначения перфекта или оконченого в прошедшем действия в сочетании со связкой был: Он выпивши [Шахматов 2001: 206–207]; Она была поевши [Пожарицкая 1997: 111]. Еще реже находим обороты, в которых субъект действия выражен родительным падежом: У него за коньми ушедчи [Шахматов 2001: 472]. Такое употребление деепричастий с перфектной семантикой, будучи типологически соотносительным с литовскими конструкциями вроде *Čia jо* (он-GEN) *stovėta* (PpfP.SG.NT) «Здесь его “стояно”» [Александрович 1988: 413], а также с македонским результативом вроде Членот (M.SG.DETERM) *се има развиено* (PRES.SG.3 + PpfP.NT) од показни заменки «Членная морфема произошла из указательных местоимений» [Ускова 2003: 208]. В частности, именно как результатив трактуют примеры из псковского говора Мая сястра давно замаш туды вышащы и Корова нядавна тялифшы [Wiemer, Giger 2005: 24]; Здесь растаявши, Заваленось куда-то [Ibid.: 30]; см. в этой же книге параграф 2.5 (с. 25–28) и 3.1 (с. 29–33), который составляет отдельную тему и не является предметом рассмотрения настоящей статьи.

(66) *Депутаты призывают избирателей участвовать в голосовании, **выразив** тем самым свое отношение к кандидатам.*

В одном из новейших справочников по нормативной грамматике этот пример и ему подобные признаются находящимися на периферии нормы на том основании, что ДО здесь примыкает к объектному инфинитиву [Книга о грамматике 2018: 166]. Как думается, интуитивное предположение авторов следовало бы немного уточнить: ДО не столько примыкает к объектному инфинитиву, сколько характеризует второстепенное действие объекта *избирателей*. В то же время объект в рамках конструкции, аналогичной *accusativus cum infinitivo*, является логическим и семантическим субъектом вторичной предикации *Избиратели участвуют в голосовании*. Возможную же двусмысленность (субъектом, с которым соотносится ДО, можно посчитать и форму *депутаты*) устраняет контекст. Интуиция авторов труда [Книга о грамматике 2018] в анализе примера (66) показывает, что семантической доминантой соотношения ДО с основным высказыванием в русском языке является единство субъекта главной и вторичной предикации. Тем не менее бывают отдельные маргинальные случаи такой немоно-субъектности, когда с помощью ДО (или деепричастия) характеризуется второстепенное действие объекта главной клаузы:

(67) *Ну, уж это поздравляю вас **соврамиш!*** [Островский 1881, НКРЯ];

(68) *Поздравляю вас, гражданин, **соврамиш!*** [Булгаков 1988: 388].

В примерах (67) и (68) глагол *поздравлять* ведет себя подобно *verbum dicendi*. Трудно сказать, являются ли эти случаи реликтом употребления *participium coniunctum*, соотносимого с прямым объектом, в конструкции *accusativus cum participio*, наподобие:

(69) *Eum (ACC.SG.M) vidi **ingredientem** (PRG.ACC.SG.M) (лат.)* «Его я увидел вступающего» [Амбразас 1990: 162];

(70) *видѣвше его **ходѣща** (PRG.ACC.SG.M) по морю (цсл.)* [Воробьева 2008: 110];

(71) *йже и видѣвше тя **превбразшася** (PRF.ACC.SG.M), и паче солнца **просіявши** (PRF.ACC.SG.M), ницы падше, силъ твоей удивишася (цсл.)* [Миняя 1914, НКРЯ].

Это может быть собственно русское явление, связанное с диалектным или просторечным употреблением типа *Он выпимши* (см. примеч. 14). Как бы то ни было, у нас нет достаточных оснований однозначно утверждать то или другое. С одной стороны, исследователи фиксировали

подобные случаи в славянских языках. В частности, их отмечает в хорватских глаголических текстах XV–XVI вв. А. А. Пичхадзе:

(72) *vidah* (видеть-AOR.SG.1) *č(lovê)ka* (человек-ACC.SG) *lež-eći* (ADVP.PRES) ‘и я увидел лежащего человека’ [Пичхадзе 2016: 507].

Здесь причастие уже стоит, по мысли исследовательницы, в застывшей форме именительного падежа. Приведем также сербский пример, оцениваемый М. Стевановичем как устаревший и ненормативный:

(73) *И погуби младу Яну степ-ућ’*
и погубить-AOR.SG.3 молодую-ADJ.ACC.SG.F Яну-ACC.SG расстелить-ADVP.PRES
кошуљу (серб.).
рубашка-ACC.SG
‘И он погубил молодую Яну, расстелив рубашку (когда она расстелила рубашку)’ [Стевановић 1998: 419; Белић 2006: 470–471].

Данным примерам аналогичны конструкции в балтийских языках, где действие грамматического объекта характеризуется неизменяемым деепричастием при *verba sentiendi* или *verba dicendi* (см., напр., [Булыгина 2006: 130; Сталтмане 2006: 177; Аркадьев 2013: 341–342; Пичхадзе 2016: 507–508]):

(74) *Kur girdėjai gaidžius loj-ant...* (лит.).
где слышать-PST.SG.2 петух-ACC.PL лаять-CONV1.PRES
букв. ‘Где (ты) слышал петухов лая...’;

(75) *Jis praneša zmoģę atei-dav-us*
он-НОМ сообщать-PRES.SG.3 человек-ACC.SG приходит-CONV1.PST
su reikalu (лит.).
с дело-INSTR.SG
букв. ‘Он сообщает человека пришед (много раз) по делу’
[Булыгина 2006: 130];

(76) *Es dzirdēju meitenes dzied-am* (лтш.).
я-НОМ слышать-PST.SG.1 девушка-ACC.PL петь-advp.pres
букв. ‘Я слышал девушек поя/напевая’ [Озола 2005: 164].

С другой стороны, русские примеры вроде (67) и (68), будучи конструктивно и семантически соотносимы с примерами (69)–(76), кажется, все же не выводимы непосредственно из славянского *participium coniunctum*, сопряженного с прямым объектом. Об этом, среди прочего,

свидетельствует отсутствие примеров с литературной формой деепричастия¹⁴ вроде **Поздравляю вас соврав* или **Поздравляю вас думая так*.

7. Выводы

1. Типы зависимости между ДО и основным высказыванием в русском языке несводимы к синтаксической моносубъектности и представляют более широкое поле семантических и прагматических отношений между участниками второстепенной и основной ситуаций. Главную роль в этих отношениях играет коммуникативный, а не формальный субъект¹⁵.

2. Основные случаи, когда при коммуникативно-прагматической моносубъектности ДО и основного высказывания субъект в основном высказывании формально не выражается подлежащим, следующие:

1) дательный субъекта, в том числе подразумеваемый – примеры (1)–(4) и (9)–(16);

2) пассивизация основного высказывания – примеры (17)–(22);

3) выражение семантического субъекта конструкциями принадлежности – примеры (23)–(25), (30)–(31);

4) декаузация – примеры (38)–(43).

3. К периферийным случаям употребления ДО можно отнести такие, когда:

1) ДО семантически не соотносится с субъектом главной клаузы – это или конструкции с неосновным (предложным, герундиальным) употреблением деепричастия – примеры (49)–(51), или новое явление, связанное со свертыванием придаточного с другим субъектом в ДО – примеры (54), (55), – которое лишь внешне напоминает реликт *nomīnātīvus absolutus*, не являясь им;

2) ДО соотносится с грамматическим объектом основного высказывания – примеры (66), а также (67) и (68). Пример (66) контекстно зависим, а примеры (67) и (68) чрезвычайно маргинальны и, видимо, непосредственно не выводимы из славянского *participium coniunctum*, сопряженного с прямым объектом, хотя и конструктивно, и семантически соотносимы с *accusativus cum participio*.

¹⁴ То, что деепричастия на *-миши* не входят в стандарт, подтверждает, в частности, Е. Р. Добрушина. В своей очень подробной статье о деепричастиях, посвященной вариантности их образования, она упоминает лишь формы *не емши*, *не жрамши*, *не пимши* – только один раз и только их, причем как нелитературные; см. [Добрушина 2014: 100].

¹⁵ Примерно к такому же выводу приходит Е. Р. Добрушина: «... семантический субъект при деепричастии должен быть ясен из контекста, т. е. не определяется никакими синтаксическими закономерностями, но очень часто связан с коммуникативным субъектом речи» [Добрушина 2020: 18].

4. Как представляется, нулевой тип согласования ДО с главной клаузой — это причина, по которой ДО в современном русском языке способен отойти от «канонического» соотношения с субъектом как подлежащим основного высказывания. Сейчас у носителей русского языка на морфологическом уровне нет никакого основания однозначно привязывать действие, выражаемое ДО, к этому подлежащему. Зато есть мощный по своим потенциальным обстоятельственным значениям таксисный полупредикативный оборот. Его можно применить в любой ситуации, когда у говорящего есть коммуникативное намерение обозначить второстепенное действие-обстоятельство и если из контекста ясен субъект этого действия. В речи говорящие не ориентируются на форму: им важно коммуникативное (воз)действие в данной ситуации. Значит, всегда, когда субъект второстепенного действия будет понятен из контекста (неважно, будет он совпадать с подлежащим основного высказывания или нет, а иногда — даже и с субъектом основного действия), говорящие не будут испытывать необходимость что-либо исправлять или рефлексировать над возможной ошибкой (если нет намерения это сделать). Здесь мы вполне солидарны с В. М. Живовым, который утверждал, что «в описании коммуникативного акта морфология присутствует столь же призрачно, как разбор двигателя внутреннего сгорания в рассказе об автомобильном путешествии» [Живов 2004: 9], а «основное задание морфологии с дискурсивными интенциями говорящего никак не связано» [Ibid.: 10]. Примерно ту же мысль (далеко, впрочем, не новую, но часто игнорируемую) высказывает А. В. Вдовиченко: «... не грамматика создает актуальный коммуникативный процесс, а прямо наоборот: грамматика возникает как попытка описания актуального коммуникативного процесса» [Вдовиченко 2008: 451]. Одно дело — исходить из некоторых формальных свойств высказываний, и совсем другое дело — из их семантики и прагматики. Во втором случае трактовка оказывается более удачной — как минимум для случаев, где нет морфологических «зацепок» в пользу однозначной трактовки. Это и есть случай с русским ДО.

Сокращения

ABL — аблатив

ACC — винительный падеж

ADJ — прилагательное

ADVP — деепричастие

ANIM — одушевленность

AOR — аорист

CONV1 — конверб-1

CONV2 – конверб-2

CONV3 – конверб-3

DAT – дательный падеж

DETERM – определенная форма существительного

F – женский ро.

FUT – будущее время

GEN – родительный падеж

INDETERM – неопределенная форма существительного

INSTR – творительный падеж

LOC – местный падеж

M – мужской род

NOM – именительный падеж

NT – средний род

OB.OBL – косвенно-объектный (предложный) падеж

OBL – косвенный падеж личных местоимений в языках с разрушенным именным склонением

PASS – страдательный залог.

PERF – перфект

PL – множественное число

PpfA – действительное причастие прошедшего времени

PpfP – страдательное причастие прошедшего времени

Pp-1 – л-причастие

PpfA – действительное причастие настоящего времени

PRAED – предикатив

PRES – настоящее время

PST – прошедшее время

SG – единственное число

SUPER – превосходная степень

1, 2, 3 – первое, второе, третье лицо

Библиография

Базы данных

НКРЯ

Национальный корпус русского языка (<http://ruscorpora.ru>).

Источники

Булгаков 1988

Булгаков М. А., *Белая гвардия. Мастер и Маргарита*, Минск, 1988.

Герцен 1979

Герцен А. И., *Былое и думы*, Москва, 1979.

Деепричастный оборот 2017

Деепричастный оборот, *УчительПРО. Опорные конспекты*, 2017, Октябрь, 21 (<https://uchitel.pro/деепричастный-оборот/>).

Добротолубие 1902

Добротолубие, 4, 1: *Преподобного отца нашего Иоанна, епископа Карнафийского, к инокам Индии, писавшим ему, 100 утешительных глав, 1902*; цит. по: [НКРЯ].

Дубров et al. 2003

Дубров А. П., Силаева О. Л., Ильичев В. Д., Кот, говорящий по-азербайджански, *Первое сентября. Биология*, 13 (692), 2003; цит. по: [НКРЯ].

Гумилев 1990

Гумилев Н. С. Стихи; Письма о русской поэзии. Москва, 1990.

Кураев 2020

Андрей (Кураев), диак., Полтора часа разговора перед камерой, «Живой журнал» *diak_kuraev* (<https://diak-kuraev.livejournal.com/2020/01/30/>).

Малетина 2019

Малетина Е., Пишем по-русски. А шляпы летят. И летят..., *Секретарское дело*, 7, 2011, 60–64.

Миня 1893

Миня (1893). Август. 17 августа; ; цит. по: [НКРЯ].

Миня 1914

Миня праздничная (1914). [37] 6 августа: Преображение Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; цит. по: [НКРЯ].

Островский 1881

Островский А. Н., *Невольницы*. 1881; цит. по: [НКРЯ].

Пушкин 1985

Пушкин А. С., Сказка о мертвой царевне и семи богатырях, А. С. Пушкин, *Сочинения в трех томах*, 1, Москва, 1985, 634–646.

Толстой 1956

Толстой Л. Н., *Смерть Ивана Ильича*, Москва, 1956.

Чудодеев 2003

Чудодеев А., Расписание на завтра, *Итоги*, 5 (347), 04.02.2003; цит. по: [НКРЯ].

Равић 2012

Равић М., *Hazarski rečnik. Roman leksikon u 100.000 reči*. Podgorica, 2012.

Литература

Абдулхакова 2007

Абдулхакова Л. Р., Развитие категории деепричастия в русском языке (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2007).

Александрвичюс 1988

Александрвичюс Ю., *Литовский язык*, Вильнюс, 1988.

Амбразас 1990

Амбразас В. И., *Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков*, Вильнюс, 1990.

Аркадьев 2013

Аркадьев П. М., О типологическом своеобразии литовской глагольной системы, *Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков*, Вяч. Вс. Иванов, П. М. Аркадьев, ред., С.-Петербург, 2013, 320–361.

Бабайцева 2011

Бабайцева В. В., *Система членов предложения в современном русском языке*, Москва, 2011.

Балута 2013

Балута А. А., Абсолютные обороты с обстоятельственным значением в индоевропейских и семитских языках = Absolute adverbial constructions in Indo-European and Semitic languages, *Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика*, 2, 2013, 5–10.

——— 2015

Балута А. А., Обороты, аналогичные латинским Accusativus = Nominativus cum Infinitivo, в индоевропейских языках, *Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика*, 4, 2015, 162–167.

Белић 2006

Белић А., *Изабрана дела, 4: Историја српског језика. Фонетика. Речи са деκлинацијом. Речи са конјугацијом*, Београд, 2006.

Булыгина 2006

Булыгина Т. В., Синёва О. В., Литовский язык, *Языки мира: балтийские языки*, В. Н. Топоров, ред., Москва, 2006, 93–155.

Вдовиченко 2008

Вдовиченко А. В., *Расставание с «языком». Критическая ретроспектива лингвистического знания*, Москва, 2008.

Векслер 1987

Векслер Б. Х., Юрик В. А., *Латышский язык. Самоучитель*, Рига, 1987.

Воробьёва 2008

Воробьёва А. Г., *Учебник церковнославянского языка*, Москва, 2008.

Генюшене 2014

Генюшене Э. Ш., Конвербы в литовском языке, *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 10/3, С.-Петербург, 2014, 157–180.

Дини 2002

Дини П. У., *Балтийские языки*, Москва, 2002.

Добрушина 2014

Добрушина Е. Р., *Корпусные исследования по морфемной, грамматической, лексической семантике русского языка*, Москва, 2014.

——— 2020

Добрушина Е. Р., Абсолютивные деепричастия: норма и узус, микродиахрония и современное положение, *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*, 63, 2020, 9–18.

Живов 2004

Живов В. М., *Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков*, Москва, 2004.

Книга о грамматике 2018

Книга о грамматике для преподавателей русского языка как иностранного, под ред. А. В. Величко, С.-Петербург, 2018.

Колесов 2005

Колесов В. В., *История русского языка*, С.-Петербург, 2005.

Конески 2004

Конески Б., *Грамматика на македонскиот јазик*, Скопје, 2004.

Краткая русская грамматика 2002

Краткая русская грамматика, под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина, Москва, 2002.

Крылова et al. 1997

Крылова О. А., Максимов Л. Ю., Ширяев Е. Н., *Современный русский язык. Теоретический курс, 4: Синтаксис. Пунктуация*, Москва, 1997.

Мельничук 1958

Мельничук А. С., Развитие предикативного употребления причастий на -(в)ъ-, -(в)ъши- в восточнославянских языках, *Слов'янське мовознавство. Збірник статей*, Київ, 1958, 91–159.

Мольков 2017

Мольков Г. А., Несогласованные причастные формы в ранних древнерусских списках Евангелия, *Русский язык в научном освещении*, 2 (34), 2017, 180–193.

Недялков 1990

Недялков В. П., Основные типы деепричастий, В. С. Храковский, ред., *Типология и грамматика*, Москва, 1990, 36–59.

Озола 2005

Озола Н., *Латышский язык за три месяца*, Рига, 2005.

Пекелис 2017

Пекелис О. Е., Сентенциальные обстоятельства, *Материалы к корпусной грамматике русского языка. Синтаксические конструкции и грамматические категории*, С.-Петербург, 2017, 13–54.

Пичхадзе 2016

Пичхадзе А. А., О предикативном vs. атрибутивном употреблении причастий в древнерусском: неизменяемые причастия, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 10, 2016, 499–515.

Пожарицкая 1997

Пожарицкая С. К., *Русская диалектология*, Москва, 1997.

Русская грамматика 1982

Русская грамматика, 2: *Синтаксис*, Н. Ю. Шведова, гл. ред., Москва, 1982.

Скорвид 2005

Скорвид С. С., Чешский язык, *Языки мира. Славянские языки*, Москва, 2005, 234–274.

Сталтмане 2006

Сталтмане В. Э., Латышский язык, *Языки мира: балтийские языки*, Москва, 2006, 155–193.

Станојчић 1992

Станојчић Ж, Поповић Љ., *Грамматика српског језика за I–IV разред средње школе*, Београд, 1992.

Стевановић 1998

Стевановић М., *Грамматика српског језика за средње школе*, Београд, 1998.

Тестелец 2001

Тестелец Я. Г., *Введение в общий синтаксис*, Москва, 2001.

Усикова 2003

Усикова Р. П., *Грамматика македонского литературного языка*, Москва, 2003.

Ходорковская 2009

Ходорковская Б. Б., *Синтаксис и семантика классического латинского языка*, Москва, 2009.

Шахматов 2001

Шахматов А. А., *Синтаксис русского языка*, Москва, 2001.

Широкова 1952

Широкова А. Г., *Очерк грамматики чешского языка*, Москва, 1952.

——— 1977

Широкова А. Г., Чешский язык, *Славянские языки*, Москва, МГУ, 1977, 64–118.

Ambrazas 1979

Ambrazas V., *Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė*, Vilnius, 1979.

Dini 2014

Dini P. U., *Foundations of Baltic languages*, Vilnius, 2014.

Haspelmath 1995

Haspelmath M., The converb as a crosslinguistically valid category, M. Haspelmath, E. König, eds., *Converbs in CrossLinguistic Perspective* (= Empirical Approaches to Language Typology, 13), Berlin, New York, 1995, 1–55.

Pauliny et al. 1968

Pauliny E., Ružička J., Štolc J., *Slovenská gramatika*, Bratislava, 1968.

Wiemer, Giger 2005

Wiemer B., Giger M., *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte)*, München, 2005.

References

- Aleksandravičius J., *Lietuvių kalba*, Vilnius, 1988.
- Ambrasas V., *Baltų kalbų dalyvių lyginamoji sintaksė*, Vilnius, 1990.
- Ambrasas V., *Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė*, Vilnius, 1979.
- Arkadijev P. M., O tipologicheskom svoeobrazii litovskoi glagol'noi sistemy, V. V. Ivanov, P. M. Arkadijev, eds., *Studies in the Typology of Slavic, Baltic and Balkan Languages (with primary reference to language contact)*, St. Petersburg, 2013, 320–361.
- Babaitseva V. V., *Sistema chlenov predlozheniia v sovremennom russkom iazyke*, Moscow, 2011.
- Baluta A. A., Absolute adverbial constructions in Indo-European and Semitic languages, *Bulletin of the MSRU. Series: Linguistics*, 2, 2013, 5–10.
- Baluta A. A., Nominativus cum Infinitivo, in indo-european languages, *Bulletin of the MSRU. Series: Linguistics*, 4, 2015, 162–167.
- Belić A., *Izabrana dela, 4: Istorija srpskog jezika. Fonetika. Reči sa deklinacijom. Reči sa konjugacijom*, Beograd, 2006.
- Bulygina T. V., Sineva O. V., Lithuanian, V. N. Toporov, ed., *Languages of the World. The Baltic Languages*, Moscow, 2006, 93–155.
- Dini P. U., *Foundations of Baltic languages*, Vilnius, 2014.
- Dini P. U., *Le lingue baltiche*, Moscow, 2002.
- Dobrushina E. R., Absolute transgressives: Their standard and occurrence, microdiachrony and current state, *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*, 63, 2020, 9–18.
- Dobrushina E. R., *Essays in corpus-based study of Russian: approaches to morphology, grammar and lexical semantics*, Moscow, 2014.
- Geniušienė E. Sh., Converbs in Lithuanian, *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for linguistic studies*, 10/3, St. Petersburg, 2014, 157–180.
- Haspelmath M., The converb as a crosslinguistically valid category. M. Haspelmath, E. König, eds., *Converbs in CrossLinguistic Perspective* (= Empirical Approaches to Language Typology, 13). Berlin, New York, 1995, 1–55.
- Khodorkovskaya B. B., *Sintaksis i semantika klasičeskogo latinskogo iazyka*, Moscow, 2009.
- Kolesov V. V., *Istoriia russkogo iazyka*, St. Petersburg, 2005.
- Koneski B., *Gramatika na makedonskiot jazik*, Skopje, 2004.
- Krylova O. A., Maksimov L. Iu., Shiriaev E. N., *Sovremenyi russkii iazyk. Teoreticheskii kurs. 4: Sintaksis i punktuatsiia*, Moscow, 1997.
- Melnichuk A. S., Razvitie predikativnogo upotrebleniia prichastii na -(v)'-, -(v)'shi- v vostochnoslavianskikh iazykakh, *Slov'ians'ke movoznavstvo. Zbirnyk statei*, Kiev, 1958, 91–159.
- Molvok G. A., Indeclinable Participles in Early Old Russian Gospel Manuscripts, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (34), 2017, 180–193.
- Nedjalkov V. P., Osnovnye tipy deeprichastii, V. S. Khrakovskii, ed., *Tipologija i grammatika*, Moscow, 1990, 36–59.
- Ozola N., *Latyšskii iazyk za tri mesiatca*, Riga, 2005.
- Pauliny E., Ružička J., Štolc J., *Slovenská gramatika*, Bratislava, 1968.
- Pekelis O. E., Sententsial'nye obstoiatel'stva. *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo iazyka, 2: Sintaksicheskie konstruksii i grammaticheskie kategorii*, St. Petersburg, 2017, 13–54.
- Pichkhadze A. A., On Predicative vs. Attributive Participles in Old Russian: Indeclinable Participles, *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova (Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute)*, 10, 2016, 499–515.
- Pozharitskaya S. K., *Russkaia dialektologija*, Moscow, 1997.
- Scorvid S. S., Czech, *Languages of the world. Slavic Languages*, Moscow, 2005, 234–274.
- Shakhmatov A. A., *Sintaksis russkogo iazyka*, Moscow, 2001.
- Shirokova A. G., Cheshskii iazyk, *Slavianskie iazyki*, Moscow, 1977.
- Shirokova A. G., *Ocherk grammatiki cheshskogo iazyka*, Moscow, 1952.
- Shvedova N. Iu., ed., *Russkaia grammatika, 2: Sintaksis*, Moscow, 1982.
- Shvedova N. Iu., Lopatin V. V., eds., *Kratkaia russkaia grammatika*, Moscow, 2002.
- Staltmane V. E., Latvian, *Languages of the World. The Baltic Languages*, Moscow, 2006, 155–193.
- Stanojčić Ž., Popović Lj., *Gramatika srpskog jezika za I–IV razred srednje škole*, Beograd, 1992.
- Stevanović M., *Gramatika srpskoga jezika za srednje škole*, Beograd, 1998.
- Teštelets Ya. G., *Vvedenie v obshchii sintaksis*, Moscow, 2001.
- Usikova R. P., *Grammatika makedonskogo literaturnogo iazyka*, Moscow, 2003.

Vdovichenko A. V., *Rasstavanie s «iazykom»*. *Kriticheskaia retrospektiva lingvisticheskogo znaniia*, Moscow, 2008.

Veksler B. Kh., Iurik V. A., *Latyshskii iazyk*, Riga, 1987.

Velichko A. V., ed., *Kniga o grammatike dlia prepodavatelei russkogo iazyka kak inostrannogo*, St. Petersburg, 2018.

Vorobieva A. G., *Uchebnik tserkovnoslavianskogo iazyka*, Moscow, 2008.

Wiemer B., Giger M., *Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte)*, München, 2005.

Zhivov V. M., *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo iazyka XVII–XVIII vekov*, Moscow, 2004.

Федор Борисович Альбрехт, кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка и стилистики
Литературного института им. А.М. Горького
123104 Москва
Тверской бульвар, 25;
доцент кафедры общего языкознания и славистики
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
109651 Москва
ул. Иловайская, 9 к. 2;
доцент кафедры русского языка как иностранного
Московского государственного лингвистического университета
119034 Москва
ул. Остоженка, 38 стр.1
Россия / Russia
reductio1@yandex.ru

Received November 28, 2019